

Глава 11. Материнская любовь

Уже почти в сумерках я добралась до своего дома. Из окна спальни второго этажа был виден слабый голубой свет магического кристалла. Внезапно обретенное счастье переполняло меня. Тяжелые мысли, которые давили на меня мертвым грузом, полностью исчезли. Я чувствовала себя очень легкой, парящей высоко в небесах, словно мои крылья перестали быть для меня лишь обычным украшением из-за моей позорной для демонов фобии.

Окрыленная своим счастьем я побежала в дом. С разбега открыв входную дверь, я закричала:

-Виргиния! Лука! Вы вернулись!

Объятая пламенем радости я взбегала вверх по лестнице. Черные крылья были раскрыты позади меня, что иногда мешало. Хвост, как у радостной собачки, встретившей своего хозяина после долгого дня разлуки, мотался из стороны в сторону. Я спотыкалась о ступеньки, но поднималась и продолжала бежать.

-«Я больше не буду одинока!» - радостная мысль застилала рациональную действительность.

-«Вновь радостные красочные дни!» - воображение рисовало передо мной прекрасные картины семейной идиллии.

-«Снова семейные ужины в тепле и уюте!» - вкус маминой готовки уже вызывал слюнки течь рекой.

-«Каждый день прекрасная мамина улыбка и крепкие папины объятия!» - я уже чувствовала запах родных.

-«Счастье быть вместе! Счастье быть нужной! Счастье быть верной и любящей дочерью!» - вот уже дверь родительской спальни прямо передо мной.

-«Они будут на церемонии выпуска!» - мысль о том, что мои приемные родители будут горды за мою отличную учебу, застряла у меня в голове.

Открыв дверь, я вбегаю внутрь. Ужасное зрелище предстало передо мной: моя мать стоит со своим полутораручным мечом в руках, окруженная двумя демонами, и с беспокойством смотрит на меня, пытаясь что-то быстро сказать.

-Что здесь происходит, ма... - родное слово не успело покинуть моих уст.

Резкая вспышка боли охватила мой живот. Я чувствовала мертвенный металлический холод внутри живота, совсем другие ощущения в сравнении с теми, когда ты просто касаешься чего-то телом. Я ощутила теплую густую жидкость, обдающую меня легкой прохладой, спускающуюся вниз из эпицентра боли. Я попыталась закричать, но что-то перекрыло мне горло, и единственное, что выходило из него – булькающие звуки. Посмотрев вниз, передо мной раскрылась тошнотворная картина – из моего живота выходило окровавленное лезвие меча. С него кровь капала на пол, и у моих ног уже успела образоваться большая ее лужа. Сквозь кровавое покрытие можно было увидеть сверкающий металл лезвия.

Силы покинули мои ноги. Словно ватные они не могли меня держать. Единственное, что не давало мне упасть – меч, который проткнул меня. С непонимающим взглядом я смотрела на мать, у которой вовсю из глаз текли слезы, и пыталась что-то сказать. Итогом послужило то, что я подавилась своей кровью и выкашляла целый ее сгусток. Из моего рта по алым губам

ручейками стекала рубиновая кровь, отчего они блестели еще сильнее. С хлюпающими звуками и противным треском, ломая кости и перемешивая в фарш внутренности, лезвие начало проворачиваться во мне. Резкая боль многократно усилилась. Непроизвольный крик попытался вырваться из моей глотки, но я лишь снова подавилась кровью, отчего она попала мне в нос. Мягко меч вышел из меня, отчего мои ноги подкосились, и я упала на пол в лужу собственной крови, разбрызгав ее в разные стороны.

-Нет! Ланли! Нет! – сквозь затуманенный разум я слышала отчаянные крики своей матери.

Позади меня раздался радостный смех демона, проткнувшего меня своим клинком. Задышавшись в луже собственной крови и постоянно пополняя ее, я попыталась повернуться, чтобы увидеть маму. Тут же новая вспышка боли появилась между моими крыльями. Даже стонать не получалось. Страшные булькающие звуки выходили из моих губ. Дергаться от боли не было сил. Я лишь смогла повернуть голову так, чтобы видеть происходящее в комнате. Моя мать стояла посреди комнаты и рыдала. Два демона, имеющие тела человекообразных козла и барана стояли рядом с ней. Из меня вновь достали меч, и я услышала позади себя медленные шаги другого демона.

-Так, так. Кто это у нас здесь? Неужели такая же маленькая шлюха, как другая? – в мое поле обзора вошел страшный демон. Его тело было сплошь покрыто костяными наростами. Сама его голова была черепом, очень похожим на череп бизона.

-Ты... - гневно пыталась что-то сказать моя мать, но из-за подступающих к горлу слез у нее ничего не получалось.

-Парни! Нам приказали убить одну суккубу, а мы убьем две! Нас ждет премия! – весело сказал бизоноголовый.

Все трое демонов захохотали.

-Я не прощу вам этого! – в отчаянии крикнула мама.

-Да? Попробуй сделать для начала хоть что-нибудь, - усмехнулся бизоноголовый, - Убить ее!

Началась ужасная бойня на мечах. Пытаясь избежать драки с несколькими противниками сразу, Виргиния вставала так, чтобы перед ней оказывался лишь один, а остальные были выстроены в линию позади. Но маленькая комната давала недостаточно места для проведения нормальных маневров. Искры от мощных столкновений мечей, пропитанных магией, летели во все стороны. Ловкая суккуба постоянно уворачивалась и маневрировала между противниками. Бастард в ее правой руке хорошо справлялся со своей задачей легкого, но длинного меча. Он позволял ей орудовать одной рукой, пока вторая пускала в противников потоки разных опасных заклинаний. Массивным демонам было сложно поспевать за ней, поэтому она спокойно сохраняла как дистанцию, так и успешно контратаковала при каждой их заминке.

Но три демона успели быстро скооперироваться и принять формацию в виде правильно треугольника, которая позволяла атаковать суккубу как минимум двум противникам. Поняв, что старая тактика больше не сработает, Виргиния переместилась на сторону, где стояли козел и баран. Они были не дилетанты, поэтому быстро поняли, как нужно действовать. Совместив два абсолютно разных вида атаки, они сделали выпады: козел атаковал колющим ударом в нижнюю часть корпуса суккубы, баран же рубил наотмашь сверху.

Взяв полутораручный меч двумя руками, суккубы острием по дуге снизу вверх отрази колющий удар козла, а затем, продолжая движения меча, заблокировала атаку барана. Козел атаковал

колющим ударом, поэтому, чтобы восстановить равновесия после отражения и вновь перейти к атаке, ему нужно было время. Кинув в барана огненный шар, суккуба прыгнула в сторону заминавшегося козла. Он так и не успел среагировать, как его голова уже полетела в сторону, открывая на всеобщее обозрение брызнувший из шеи фонтан крови.

Бизоноголовый грозно зарычал и пустил в сторону суккубы заклинание, принявшее форму черного облака. Моя мать быстро произнесла заклинание барьера, но этого времени оказалось достаточно, чтобы баран, оказавшийся в стороне от нее, рубанул с размаху своим мечом. Понимая, что не может полностью уклониться, суккуба решила пожертвовать одной рукой ради спасения. Ее левая рука, отрезанная по плечо, отлетела в сторону от мощного удара.

-А! - короткий вскрик боли был прерван моментальной атакой бизоноголового большим мечом.

Демонесса оказалась окружена. Спереди нее стоял большой покрытый костями демон, а позади - баран. Понимая, что с одной рукой в окружении ей долго не выстоять, она решила было отскочить в сторону, но сделать это помешало новое заклинание, что уже использовал бизоноголовый. Отвлекаясь на барана, она не заметила, как темный дым задел ей бок. Часть талии демоницы ужасно обгорела и стала черной, как смоль. Новый крик боли разрезал пространство, но в этот раз его прервал смех барана.

За заминку во время смеха, он поплатился жизнью. Бастард демонессы разрубил тело демона пополам от плеча до бедра. Кровь и внутренние органы брызнули во все стороны. Зная, что она стоит спиной к оставшемуся врагу, красавица-воительница начала оборачиваться, но не успела. Свободной рукой схватив оставшуюся руку демонессы, бизоноголовый пронзил ее грудь своим мечом.

Душераздирающие вопли женщины, чей голос завораживал всех живых существ, проникал в душу каждого, кто мог бы это слышать. Из последних сил собирая волю в кулак, я сконцентрировала остатки маны и жизненной энергии в одну свою руку. Мелодично спев про себя заклинание лавовой стрелы, я, как могла, направила ее в стоящего спиной ко мне демона. Огромная стрела, состоящая из чистых расплавленных пород, с умопомрачительной скоростью полетела в сторону нашего врага. Не зная, что его вскоре ожидает, он второй раз пронзил тело суккубы.

Через секунду он уже горел, полностью объятый пламенем. Длинная стрела расплавленной породы торчала у него из груди. Лава падала прямо на пол. Гримаса боли исказила его лицо. Откинув мою мать в сторону, он направился ко мне. Но это было его фатальной ошибкой. Подбегая сзади к нему на подгибающихся ногах, демонесса замахивалась мечом. Одним ударом она разделила его тело пополам, отчего взгляду предстало противное зрелище внутренних органов. Ноги больше не могли держать демоницу, поэтому она упала рядом с горящим телом. Пробормотав заклинание замораживания, мама потушила разгорающийся пожар.

Выжимая из себя всю силу, я поползла в сторону лежащей демонессы. Ее прерывистое дыхание очень сильно беспокоило меня. Я не должна дать ей умереть. Только не ей. За мной тянулся длинный кровавый след. Я ничего не соображала. Мой рассудок был на грани краха. Багровая пелена затмевала мой взор. Через некоторое время я ориентировалась лишь на ошупь и дыхание своей матери. Протянув руку вперед, я, наконец, почувствовала мягкое и влажное тело матери.

Мысль: «Как такое могло произойти?» - лишь усиливала страх за ее жизнь. Мне, уже испытавшей ужасы одной смерти, стало безразлично на себя. Подтянувшись еще сильнее, я

села перед изуродованным, но все равно прекрасным, телом своей матери.

В надежде сделать хоть что-нибудь ради самого близкого и любимого человека, я нащупала флакон с зельем маны, в своей сумке, все это время находившейся у меня на плече. Трясущимися, холодными, непослушными руками я раскупорила его и аккуратно начала вливать в ее рот. Вылив все до последней капли, я с надеждой смотрела на зияющие сквозные раны в ее груди.

-Нет... Нет... Действуй! Почему не действует! – пыталась сказать я, но ничего не выходило.

-Лан... ли, - кашляя кровью, заговорила моя мама, - Послушай, они были не последними. Они вернутся. Ты здесь в опасности.

Я молча и непонимающе смотрела на нее. Ее раны, не считая потерянной руки, были менее серьезными, чем у меня.

-Не ищи... Луку, - продолжала она, - Он справится! Сейчас ты должна выжить!

Приступ кровавого кашля вновь захватил ее. Внутри меня все холодало с каждой секундой. Я чувствовала, как позади меня заносит свою косу Смерть, от которой мне уже удалось убежать один раз. Замогильный смех лодочника Харона четко раздавался у меня в ушах. Я понимала, что мне уже не выжить, учитывая, что зелье маны не смогло вылечить раны матери. В отчаяние я покачала головой из стороны в сторону.

-Ты – такая же суккуба, как и я, - трясущейся рукой она взяла мои ладони. Ее кожа была холодной, - Мы – особенные.

Я плакала. Соленые слезы смешивались с кровью, окропляя изувеченное тело моей матери. Даже в этой жизни мне не видать счастья, к которому я сильно стремлюсь. До которого мне снова было нужно лишь протянуть руку.

-Ты будешь ненавидеть меня, но знай, что для меня нет большего счастья, чем живая и здоровая дочка, - новый приступ кровавого кашля, - Я молю тебя, что бы ни случилось, продолжай жить.

Станные слова эхом отзывались в моих ушах. Мысль: «Что это значит?» - прокрадывалась в мой мозг. Предчувствие чего-то нехорошего завладевало моей душой. В панике и истерике я молча изо всех сил мотала головой, как можно сильнее сжимая ее руку. Она улыбалась.

-Прости, - тихие слова эхом отдавались в моем сознании.

Она махнула рукой, освободив ее из моей хватки и тихо прошептав слова заклинания. Тут же, маленькая черная змейка вошла в меня через рот. Все мое тело одеревенело. Паникуя, в душе я изо всех сил кричала. Я понимала, что теряю контроль над своим телом. Сопротивляться не было сил. Мама использовала слишком сильное заклинание контроля. Погрузившись в пучину отчаяния, я могла лишь задаваться вопросом: «Зачем?».

Она смотрела на меня, продолжая невинно улыбаться. Улыбка счастливого наивного ребенка или родителя, исполнившего свой долг. Такая чистая и вдохновляющая улыбка сейчас казалась мне самой страшной вещью на свете.

Я полностью потеряла контроль над телом. Мои руки сами потянулись к зияющему в ее груди отверстию. В моих глазах отразился ужас от происходящего. Своими руками я отрывала

открытую плоть собственной матери. Терпя боль, она спокойно смотрела на меня, поглаживая мою голову рукой и счастливо улыбаясь мне.

-Прости, - прерывисто шептала она, пока я, не останавливаясь, отрывала от нее маленькие кусочки плоти, - У меня не было другого выбора. Иначе бы ты не согласилась. Мы особенные, потому что можем черпать силу, жизнь и энергию, пожирая тела других живых существ, причем они должны быть живыми в этот момент.

Новые кусочки мягкой плоти оказывались у меня во рту, растворяясь на языке. Слезы текли рекой, не переставая. Я выла, словно дикий зверь, но не от боли физической, а от боли душевной.

-Именно поэтому они охотятся за нами, - продолжала мама, проводя рукой по моей щеке и стирая мои слезы вперемешку с нашей кровью, - Не плачь, родная.

Я чувствовала, как силы начали возвращаться ко мне. С каждым съеденным кусочком раны затягивались все сильнее.

-Мы с отцом всегда любили тебя, - знакомый, казалось бы, вечно ласковый, приятный, любимый, родной голос говорил теплые и радостные слова.

Теперь я могла стонать и выть, не захлебываясь в собственной крови.

-Для нас никогда не было большего счастья, чем увидеть твою прекрасную улыбку, - ее мягкая рука коснулась моих губ, обогранных кровью, но уже не моей, - Так, прошу, хотя бы сейчас, улыбнись для меня.

Слезы скатывались по моим щекам и капали прямо ей на увеличивающиеся из-за меня раны. Руками я брала эти части ее тела, уже соленные моими слезами.

-Я благодарна Владыке за то, что могу спасти свою дочь, - добрая и столь знакомая улыбка не спадала с ее лица.

Я могла уже говорить членораздельные и понятные слова.

-Почему? Зачем? - рыдала я, повторяя эти слова как мантру.

-Ради себя, - не задумываясь, отвечала она, - Я же демон. А все демоны - эгоисты.

-Ненавижу тебя, - в истерике сказала я ей.

-А я тебя люблю, - после этих грустных слов мама притянула меня к себе и поцеловала в лоб.

Я окончательно сломалась. Сломалась телом. Сломалась душой. Сломалась разумом. Один лишь сплошной мрак существовал внутри меня. Безумие. Я сошла с ума. Сигналы из реального мира отказывались поступать в мой мозг, занятый одной лишь темнотой. Среди всей этой бездны были лишь эти ее последние слова и ласковая улыбка.

-Нет! Мама! Пожалуйста! Хватит! Умоляю! Прощу! Хватит! Мама! - молила я ее, - Я сделаю все, что угодно! Только прошу, остановись! Пожалуйста, мамочка! - плач сменялся жутким воем страданий.

-Последний раз ты называла меня так лишь в самом детстве, - нотки радости и облегчения слышались в ее голосе, - Прости. Если сможешь. Когда-нибудь, прости! Но ты должна жить. Я

прошу тебя жить, - соленые ручьи текли из ее глаз.

Все, что я помню дальше – безумие. Сплошное безумие. Я рыдала и умоляла маму прекратить, захлебываясь своей кровью и ее. Все эти страшные минуты она лишь молча и удовлетворенно смотрела на меня. Раны у меня на груди противно хлюпали. Кровь восстанавливалась и снова выливалась. Новые ткани пытались заменить отсутствующие, но снова рвались. Боль от ран, боль от ее улыбки, боль от своих слов – все смешалось в один сплошной поток. Минуты агоний тянулись вечностью. Я думала лишь о том, чтобы все это прекратилось. Но желаниям свойственно сбываться, ведь так?

-Осталось совсем чуть-чуть и все пройдет, любимая, - пробормотала она.

Я чувствовала, что в ней почти не осталось сил.

-Я люблю тебя, мама, - прошептала я, смирившись с судьбой.

-А я тебя, - после этих слов мои руки сами собой потянулись к ее сердцу.

Через секунду у нее на лице навсегда осталась не спадающая добрая улыбка.

Моральных сил не было ни на что. Слезы прекратили литься, всхлипы, стоны и рыдания исчезли. Осталась одна лишь пустота. Доедая ее сердце, я будто чувствовала все ее чувства. Всю любовь, что она чувствовала к чужому брошенному младенцу, оказавшемуся на грани гибели еще до рождения. Все те радости, когда я только-только начала ходить, когда у меня начали прорезаться первые зубы, безумное счастье, когда я произнесла первое слово. Все ее воспоминания, касавшиеся меня, будто бы имели только лишь счастливый характер. Кроме них я чувствовала еще и заботу. Настоящую и самоотверженную заботу. Иногда слишком сильную, иногда еле заметную, но всегда остающуюся неизменной и нежной.

Кто может отдать нам всю свою жизнь, посвящая все свободное время? Лишь мать. Лишь мать может одарить нас той самой материнской любовью, которую мы в детстве так сильно стесняемся. Только она готова терпеть все наши выходки. Только она может плакать внутри, когда плачем мы, но снаружи выглядеть радостной, пытаясь нас подбодрить. Только она может быть печальной, но делать нас счастливыми, не подавая намеков. Как и отец, мама готова отдать за нас все. Они оба ценят нас больше, чем что-либо на свете. Больше, чем свои жизни. Не правда ли интересная получается шутка? Чтобы дать начало одной жизни, нужно, чтобы мужчина и женщина отдали ей свои жизни. Одна по цене двух. Не равноценный обмен, но зачастую мы забываем ценить ту жертву, что каждый день приносят ради нас наши родители.

Сердце матери исчезало из моих рук. Я стала единой с ней не только душой, но и телом в прямом смысле слова. Съедая последний оставшийся кусочек, я чувствовала, как все мои мечты о счастливой и единой жизни с семьей, родителями, обращаются прахом. Прах этой мечты был собран в одну ладонь и рассеян по ночному и безжалостному промозглому ветру. Сумасшедший крик безумной боли рассек ночную тишину.